

Глава 8

ЛЕНИН НЕ ДАВАЛ САНКЦИИ НА РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Физическое уничтожение большевиками по меньшей мере 16 членов Дома Романовых в период с 12 июня 1918 г. по январь 1919 года, и в первую очередь убийство Николая II, его жены и детей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге — тема множества публикаций современных отечественных писателей, историков, журналистов. В противовес обширной зарубежной и эмигрантской литературе у наших соотечественников прослеживается тенденция — представить Ленина главным инициатором этой кровавой акции.

На мой взгляд, подобные утверждения нуждаются в убедительных прямых доказательствах, так как приводимых косвенных доказательств явно недостаточно.

Столетие зрела в российском революционном движении идея ликвидации членов царствующей семьи. По проекту декабриста П. Пестеля физическому истреблению подлежали все без исключения члены царского дома, вплоть до малолетних. Хотя декабрист Якушин (о нем знаменитые пушкинские строки: “Казалось, молча обнажал цареубийственный кинжал”) выступал за уничтожение только царствующего монарха.

Как известно, Степан Халтурин, горельеф которого наряду с портретом Карла Маркса украшал ленинский кабинет в Кремле, производя взрыв в феврале 1880 года в Зимнем дворце, намеревался уничтожить всю царскую семью, включая малолетних детей.

Писательница Лариса Васильева рассказала в книге “Кремлевские жены”, как близко знавший Ленина Иван Федорович Попов (автор известной в свое время пьесы “Семья” — об Ульяновых) поведал ей о встрече с вождем накануне мировой войны: “...Ленин, когда был у меня в Брюсселе, однажды рассказал, как уезжал на лодке по Волге с братом Сашей, и над рекой стелилась песня. Он вспомнил казненного Сашу, помолчал и вдруг, как бы про себя, не обращаясь ко мне, прочитал строфу из пушкинской оды “Вольность”:

*“Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу”.*

Многие десятки раз в своих работах Ленин клеймил Николая II и весь Дом Романовых. Многократно именовал Николая II “Обмановым”, называл его грабителем, палачом, “царем ходыньским”, “злейшим врагом русского народа”, главарем придворной шайки (или “черной банды”), “черносотенным царем”, “вождем черносотенной контрреволюции”, “не только европейским, но и азиатским жандармом”, представителем “разбойничьей династии”, “коронованным разбойником”, “залившим кровью Россию”, “Николаем Кровавым”, стоявшим во главе “преступной семейки”.

“Идиот” и “изверг-идиот”, “слабоумный” и “полоумный”, “жалкий” и “тупой и кровожадный” — какими только эпитетами ни награждал впадавший в “раж” Ильич последнего монарха.

Вот обычный выпад вождя в адрес семьи Романовых из “Писем из далека” сразу после отречения от престола Николая II: “Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907-1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до “последней черты”, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров...” (31; 12).

Немало можно найти у вождя и призывов к царубийству, к уничтожению всех членов Дома Романовых. В брошюре “Две тактики социал-демократии в демократической ре-

полюции” (1905), он писал: “ Удастся решительная победа революции — тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински... Якобинцы современной социал-демократии — большевики... хотят, чтобы народ, т.е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией “по-плебейски...” (11, 47).

В декабре 1911 года Ленин на страницах газеты “Социал-Демократ” настаивал: “...если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть “конституционными” монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотни Романовых, чтобы отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов” (21; 17).

В воспоминаниях В.Бонч-Бруевича о Ленине приводится высказывание вождя о революционере С.Нечаеве, ставшем символом беспринципности в политической борьбе: “Люди совершенно забывают, что Нечаев обладал уникальным организаторским талантом, обладал способностью везде находить особенные технические приемы для организации заговора, придать своим мыслям такие потрясающие формы, что они навсегда запечатляются в памяти. Стоит вспомнить его ответ в листовках на вопрос, кого из членов правящего дома надо убить? Его чеканный ответ гласил: “Весь большой Респомсориум” (молитвенник). Каждый знает, что в нем упомянуты все члены дома Романовых. Ведь этот ответ граничит с гениальностью”.

В сентябре 1919 года в статье “Как буржуазия использует ренегатов” Ленин напомнил: “На II съезде нашей партии, в 1903 году, возник большевизм, составлялась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: “и для Николая II?” Даже меньшевики в 1903 году не посмели поставить на голоса предложения об отмене смертной казни для царя” (39; 183).

Уже после Февральской революции и возвращения в Россию вождь прямо указывал на необходимость казни царя, который, по его мнению, после ареста содержался в “льготных условиях” (32; 268).

Ленин подготовил резолюцию ЦК РСДРП(б), принятую 21 апреля (4 мая) 1917 г., в которой указывалось: “мы считаем Вильгельма II таким же коронованным разбойником, достойным казни, как и Николай II” (31; 310).

Уже после расстрела царской семьи Ленин с одобрением писал об этой акции. В статье “К четырехлетней годовщине Октябрьской революции” он ставил в заслугу большевикам уничтожение императорского рода, громил Временное правительство, проявлявшее мягкость к царю, его семье и родственникам: “Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечом — и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда” (44; 145).

И Крупская в воспоминаниях о своем супруге однозначно причислила его и себя к убийцам Николая II и его семьи: “Чехословаки стали подходить к Екатеринбург, где сидел в заключении Николай II. 16 июля он и его семья были нами (выделено мною — *А.Л.*) расстреляны, чехословакам не удалось спасти его, они взяли Екатеринбург лишь 23 июля”. Уточним — большевистская власть была свергнута в Екатеринбурге 25 июля, так что вряд ли была столь обоснованна более чем за неделю до этого спешка в убийстве семьи Романовых. И понятно, что ни у Ленина, ни у Крупской не было никаких нравственных ограничений для уничтожения детей императорской крови.

Нет сомнений, что вождь вполне мог тайно организовать это убийство так, чтобы ответственность легла на уральских большевиков. Когда полтора года спустя после истребления на Урале представителей Дома Романовых чешские легионеры передали сибирским большевикам плененного ими адмирала Колчака, то глава советского правительства направил шифрограмму Э. Склянскому для пересылки в Реввоенсовет 5-й армии: “Пошлите Смирнову шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так (то есть казнили адмирала — *А.Л.*) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.24362).

Как известно, адмирал “архинадежно” был расстрелян. Этот ленинский документ скрыть не удалось, недавно он был впервые опубликован в нашей стране, хотя за рубежом был известен уже два десятилетия тому назад. Но уральская трагедия, на мой взгляд, имела другую предысторию.

После отречения от престола Николай II и его семья находились под арестом в Царском Селе, а в августе 1917 года царь, царица, их дети и несколько верных им лиц были отправлены по распоряжению Временного правительства в далекий сибирский город Тобольск, где размещены в губернаторском доме. Там их и застал октябрьский переворот.

Проследим по архивным материалам, по 5-му и 6-му томам Биографической хроники жизни и деятельности Ленина, его роль в определении судьбы членов Дома Романовых и период с октябрьского переворота до лета 1918 года.

Биохроника. 30 ноября (13 декабря) 1917 г. Ленин председательствует на заседании Совнаркома, на котором обсуждался вопрос о резолюции съезда моряков-подводников Балтийского флота с требованием перевести Николая II в Кронштадт. В постановляющей части протокола № 15 заседания Совнаркома было указано: “Признать перевод преждевременным”. Неделю спустя, 5 декабря, в Совнарком обращается Петроградский ВРК: “Военно-Революционный комитет постановил обратиться с предложением в Совет народных комиссаров перевести Николая Романова с семьей в Кронштадт”.

Требования эти были не новы — они принимали после октябрьского переворота лишь все более категоричный характер. Бывший глава Временного правительства А. Керенский свидетельствовал, что когда он через пять дней после отречения Николая Александровича, будучи министром юстиции, поднялся на трибуну Московского Совета, со всех сторон раздались требования казнить бывшего царя. “Смертная казнь Николая Второго и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или Кронштадт, — писал он, — вот ярые, иногда исступленные требования сотен всяческих делегаций, deputаций и резолюций, являвшихся и предъявлявших их Временному правительству, и в частности мне, ведавшему и отвечающему за охрану и безопасность царской семьи”.

А после октябрьского переворота прямая ответственность за судьбу Николая II и его семьи, за контакты с местными властями — вначале тобольскими, затем екатеринбургскими — была возложена на председателя ВЦИК Свердлова. Именно Свердлов, например, принимал в Смольном в январе 1918 г. делегацию красноармейцев из отряда охраны губернаторского дома в Тобольске. Он пожелал им так же бдительно и зорко сторожить бывшего царя, как и до тех пор, вплоть до того момента, когда он предстанет перед открытым всенародным судом.

Биохроника. 29 января (11 февраля) 1918 г. Ленин председательствует на заседании Совнаркома, на котором обсуждался вопрос “О передаче Николая Романова в Петроград для предания его суду”. Было принято решение: “Поручить Н.Алексееву представить в Совет народных комиссаров к среде все резолюции Крестьянского съезда по этому вопросу”. Три недели спустя, 20 февраля, Совнарком под председательством Ленина вновь возвращается к этому вопросу и, после выступлений замнаркома земледелия левого эсера Н.Алексеева и председателя Петроградской ЧК М.Урицкого, постановляет: “Поручить комиссариату юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совете народных комиссаров. Место суда не предугадывать пока”. Следует отметить, что эти решения принимались в условиях развернувшегося наступления германских войск.

Ярым сторонником предания Николая Романова пролетарскому суду был Лев Троцкий. Он писал позже в дневниках-воспоминаниях: “Я предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянская политика, рабочая, национальная, культурная, две войны и проч.), по радио ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если бы было осуществимо, но... времени может не хватить. Прений никаких не вышло, т.к. я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в Политбюро нас, кажется, было 3-4: Ленин, я, Свердлов...”

Скорее всего, Троцкий видел уже себя главным обвинителем, трибуном-громовержцем, ниспровергающим помазанника Божьего, подобно своим “предшественникам” периода Великой Французской революции. Оппонентом Троцкому был нарком юстиции левый эсер Штейнберг, который свидетельствовал, как идея проведения суда над царем была предложена представителем Крестьянского съезда на заседании Совнаркома. Но Ленин неожиданно ей воспротивился. “Наконец, — писал Штейнберг, — все глаза устремились на Ленина, который председательствовал на заседании. И, что показалось достаточно странным, он сначала со мной согласился. Он также сказал, что сомневается в своевременности такого процесса, что массы заняты другими проблемами и что было бы хорошо отложить его. В подходящее время наркомату юстиции будут даны указания подготовить соответствующие документы для последующего рассмотрения. Нет сомнения, что у Ленина были свои политические расчеты, учитывающие его положение. Этим вечером, однако, вопрос был отложен на неопределенное время и на этой стадии так и остался. Наркомат юстиции никогда не получил “задания” подготовить документы”.

Негативное отношение Ленина к суду над Николаем II Троцкий попытался объяснить много лет спустя, в дневниковой записи от 10 апреля 1935 года: “Сегодня во время прогулки в горы с Наташей (день почти летний) я обдумывал разговор с Лениным по поводу суда над царем. Возможно, что у Ленина, помимо соображения о времени (“не успеем” довести большой процесс до конца, решающие события на фронте могут наступить раньше), было и другое соображение, касавшееся царской семьи. В судебном порядке расправа над семьей была бы, конечно, невозможна. Царская семья была жертвой того принципа, который составляет ось монархии: династической наследственности”.

На мой взгляд, одна из причин, почему Ленин не поддержал идею суда над Николаем II и не дал санкции на расстрел царской семьи, заключалась в том, что он не хотел раздражать Вильгельма II, близкого родственника царской династии, ставшего объективно после заключения Брестского мира союзником большевиков.

Наступление германских войск, их приближение к Петрограду могло быть одной из причин решения Лениным о высылке на Урал “претендента номер один” на Российский престол Михаила Александровича Романова. Еще в конце 1917 года замнаркома Госконтроля Э. Эссен сообщил Ленину о просьбе в Совнарком бывшего великого князя Михаила Романова переменить его фамилию на фамилию жены — Брасов (чтобы перейти на положение обычного гражданина Российской Советской республики). Вождь отказался заниматься этим вопросом. Не нашел документальных подтверждений упоминаемый в ряде публикаций факт, будто графиня Брасова встречалась с Лениным и безрезультатно просила разрешить мужу выехать за границу. А руководитель Петроградской ЧК направил Ленину записку: “Многоуважаемый Владимир Ильич! Предлагаю Романова и других арестованных Гатчинскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов — выслать в Пермскую губернию. Проект постановления при сем прилагаю. Если нужны какие-либо объяснения, готов явиться на заседания для дачи их. М.Урицкий”.

9 марта 1918 г. Совнарком под председательством Ленина по докладу М.Урицкого принимает решение о высылке М.А.Романова, его секретаря англичанина Б.Джонсона и ряд других лиц в Пермскую губернию. Ленин подписывает специальное постановление Совнаркома об их высылке “впредь до особого распоряжения”. В постановлении, в частности, указывалось: “Местожителство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым”. С дороги Джонсон телеграфировал Ленину просьбу не разлучать его с Михаилом Александровичем, приняв во внимание его расстроенное здоровье, усугубленное самыми тяжелыми условиями переезда. С аналогичной просьбой не разлучать его с секретарем в виду своей “болезни и одиночества”, ссылаясь на телеграмму Джонсона на имя Ленина, обратился Михаил Александрович к управляющему делами Совнаркома Бонч-Бруевичу. Ходатайства возымели действие — и только скорая смерть разлучила бывшего великого князя и его верного секретаря.

Убийство их было совершено большевиками 12 июня 1918 г. в Мотовилихе под Пермью, после чего было официально объявлено о тайном побеге Михаила Александровича со своим секретарем. Инициатор и организатор убийства Михаила Александровича — Гавриил Мясников — председатель Мотовилихинского совдепа и член коллегии Пермской губчека. Впоследствии он стал широко известен в стране как один из лидеров “рабочей оппозиции”, требовавший свободы печати. Ленин резко выступал против “мясниковщины”, а организатор похищения и убийства Михаила Александровича признавал, что сознает ту угрозу, которую несет ему инакомыслие, оппозиционная деятельность: “Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист 15 лет, который свои коммунистические взгляды омыл страданиями, и ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было, а был бы я просто слесарь-коммунист того же завода, то где же бы я был? В Чека или, больше того, меня бы “бежали”, как некогда я “бежал” Михаила Романова...” Откровенная оценка беззаконий советской власти в ленинский период.

В марте 1918 года в Москву приезжал Ф. Голощекин, чтобы высказать на Президиуме ВЦИК опасения по поводу дальнейшего пребывания царской семьи в Тобольске. По Уралу и Сибири распространялись слухи о том, что монархические силы подготовили выезд царской семьи за рубеж.

Голощекин — близкий друг Свердлова еще по революционной деятельности в Екатеринбурге, занимавший важные посты члена президиума исполкома Уральского Совета, секретаря Уральского обкома партии, военного комиссара Уральской области — сыграл, безусловно, ведущую роль в организации расстрела императорской семьи. Можно напомнить, что Голощекина хорошо знал Ленин — еще с Пражской конференции 1912 года, когда тот был избран членом ЦК РСДРП.

1 апреля Президиум ВЦИК вынес “не подлежащее оглашению в печати” постановление о семье Романовых, в котором комиссару по военным делам поручалось “немедленно сформировать отряд в 200 человек (из них 30 человек из Партизанского отряда ВЦИК, 20 — из отряда левых эсеров) и отправить в Тобольск для подкрепления караула, и в слу-

чае возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву”.

Но уже спустя пять дней, 6 апреля, Президиум ВЦИК принимает новое постановление, в котором изменяет место пребывания царской семьи: “В дополнение к ранее принятому постановлению поручить т.Свердлову снестись по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском о назначении подкрепления отряду, охраняющему Николая Романова, и о переводе всех арестованных на Урал”. Возможно, это было вызвано начавшимся именно в эти дни наступлением германских войск на Харьков и активизацией белоказацких войск Дутова в районе Оренбурга и Самары.

Хотя решения, определявшие судьбу царской семьи, принимались во ВЦИК, но исполняться должны были руководимым Лениным Совнаркомом, о чем свидетельствует и постановление Президиума ВЦИК от 6 апреля 1918 г., в котором указывалось, в частности: “Сообщить СНК о настоящем постановлении и просить о срочном исполнении настоящего постановления”.

В конце концов решения ВЦИК свелись к следующему: во-первых, подготовить открытый судебный процесс над Николаем II; во-вторых, перевезти всех Романовых из Тобольска в Екатеринбург; и, в-третьих, для организации этого переезда, который должен был проходить в контакте и под контролем Уральского Совета, выделить особоуполномоченного ВЦИК. Этим особоуполномоченным был назначен Василий Яковлев (настоящие имя и фамилия — Константин Мячин), которого Свердлов хорошо знал по совместной революционной работе на Урале еще в годы первой русской революции. Знал Яковлева как активного революционера и Ленин.

Степень личного участия вождя в организации переезда царской семьи из Тобольска в Екатеринбург остается по сей день непроясненной. Хотя переездом формально руководил из Москвы Свердлов, письма из Тобольска, Омска, Екатеринбурга порою направлялись на имя Ленина, отдельные вопросы решал управляющий делами Совнаркома В.Бонч-Бруевич.

Документы неопровержимо свидетельствуют — политическая обстановка как в Тобольске, так и в Екатеринбурге

была накалена, Москва не могла не ставить перед собой задачу — в первую очередь спасти императора и его семью от самосуда не столько толпы, сколько местных коммунистов. Процветал региональный сепаратизм и каждый город — Тобольск и Тюмень, Омск и Екатеринбург — боролся за право быть местом заточения царской семьи, многие горячие головы мечтали войти в историю личным участием в уничтожении последнего российского монарха.

Большевицкие руководители из разных городов подогривали страсти, в их среде царили взаимное недоверие, подозрительность, поиск врагов.

Так, 13 апреля в Совнарком обратился заместитель председателя исполкома Уралсовета Б. Дидковский с ходатайством об “экстренном разрешении тобольского вопроса”. Он настаивал на передаче царской семьи под контроль посланных из Екатеринбурга латышей и матросов и на переводе Романовых в более надежное место — на Урал или в другой район, указанный Совнаркомом.

Требования из Екатеринбурга с каждым днем ужесточались. Вот характерная телеграмма от 28 апреля: “Секретно. Совнарком, тов. Ленину и Свердлову. Из Екатеринбурга. Ваш комиссар Яковлев привез Романова в Тюмень, посадил его в поезд, направился в Екатеринбург. Отъехав один перетон, изменил направление. Поехал обратно. Теперь поезд с Николаем находится около Омска. С какой целью это сделано — нам неизвестно. Мы считаем такой поступок изменническим. Согласно вашего письма <от> 9 апреля Николай должен быть в Екатеринбурге. Что это значит? Согласно принятому Облсоветом и област<ным> Комитетом партии решению, сейчас отдано распоряжение задержать Яковлева и доставить вместе с Николаем в Екатеринбург. Ждем у аппарата ответа. Белобородов, Сафаров”.

В Москву, Омск и другие города в последующие дни продолжали идти многословные телеграммы от руководства Уральского Совдепа с разоблачением Яковлева. Одна из них, подписанная Белобородовым, начиналась так: “Военная, вне всякой очереди. 28 апреля Омской дорогой отправился экстренный поезд номер 42 под начальством комиссара Яковлева, конвоирующего бывшего царя Николая Романова. Комиссар Яковлев имел поручение Всероссийского Совнарком-

ма: доставить бывшего царя из Тобольска <в> другое место, мы таких указаний не получали...”

Есть свидетельства, что в эти дни проходила в Екатеринбурге Уральская областная конференция РКП(б), на которой большинство делегатов высказывалось за скорейший расстрел Романовых. Видимо, с учетом подобных настроений руководство Уральского Совдепа отправляло в Москву телеграмму за телеграммой, в которых не скрывало раздражения по поводу “двусмысленных”, по его мнению, указаний Свердлова относительно пункта доставки Николая II: “Видя, что сегодня поезд с Урала ускользает по неизвестным нам причинам явно вопреки распоряжению Свердлова, мы отдали распоряжение Омску и всей сибирской магистрали поезд задержать, Яковлева арестовать и вместе с Николаем доставить в Екатеринбург. Об этом единовременно сообщим Свердлову. Его ответ нас чрезвычайно удивил и возмутил. Оказывается, что Яковлев гонит поезд на восток согласно его распоряжений и он просит Яковлеву не чинить препятствий”. “Разрешите вас спросить, из каких высоких соображений поезд с Николаем Романовым проделывает неожиданные эволюции, заставляющие нас, несмотря на все наше доверие к центральной власти, усомниться в безопасности Романова”. “Мы считаем недопустимым принятый вами способ объяснений. Яковлев делает колоссальную глупость, с вашего разрешения угнавши в Омск груз. Он должен доставить его нам, в Екатеринбург, в чем мы должны получить полную гарантию от вас”. Но в ответ, судя по сохранившимся документам, Свердлов, в свою очередь, потребовал от уральцев гарантий — при доставке Романовых в Екатеринбург те должны остаться живыми и невредимыми. Ответ из Екатеринбурга: “При условии, если все дело будет вестись через областной Совет, даем зависящие от нас гарантии”. Итак, в ответ на запрос Свердлова Уральский облсовет взял на себя ответственность за судьбу царской семьи, что немаловажно учитывать при анализе последовавших событий. И Свердлов дал Яковлеву категоричное указание — везти Николая II в Екатеринбург.

В переговорах со Свердловым из Омска разобравшийся в ситуации Яковлев, в целях конспирации именуя Николая II с женой и дочерью “багажом”, имел все основания преду-

преждать: “Несомненно я подчинюсь всем приказаниям центра. Я отвезу багаж туда, куда скажете. Но считаю своим долгом еще раз предупредить Совет народ[ных] комиссаров, что опасность вполне основательная, которую могут подтвердить как Тюмень, так и Омск. Еще одно соображение: если вы отправите багаж в Симский округ (Уфимской губернии, где В. Яковлева хорошо знали по революционной деятельности — *А.Л.*), то вы всегда и свободно можете его увезти в Москву или куда хотите. Если же багаж будет отвезен по первому маршруту, то сомневаюсь, удастся ли вам его оттуда вытащить”.

О том, что Яковлев был прав, свидетельствуют воспоминания Белобородова 1920 года о переезде Николая II в Екатеринбург: “Мы считали, что он должен быть расстрелян в дороге. Такой наказ имел Заславский (командир посланного в Тобольск екатеринбургского отряда — *А.Л.*) и все время старался предпринять шаги для его осуществления, хотя и безрезультатно”.

Как видно, конфликтующие стороны неоднократно апеллировали к Совнаркому, т.е. к Ленину. Несмотря на предостережения Яковлева, Свердлов направил в разные места указание о передаче царской семьи Уральскому Совдепу, чем фактически предрешил ее судьбу. Есть основания считать, что Ленин взял под личный контроль доставку Николая II и его семьи в Екатеринбург. Об этом свидетельствуют записи в Биохронике жизни вождя за 28 апреля 1918 года:

“Ленин ведет переговоры (18 час. — 18 час. 50 мин.) по прямому проводу с Екатеринбургом... Ленин вместе с Я.М.Свердловым ведет переговоры (21 час. 30 мин. — 23 час. 50 мин.) по прямому проводу с Екатеринбургом”.

30 апреля сам император, его жена и одна из дочерей были доставлены в Екатеринбург, где помещены в дом Ипатьева — “Дом особого назначения”, свое последнее прибежище. В этот же день в Москву пошла телеграмма: “2 адреса. Москва. Председателю Совнаркома Ленину. Председателю ЦИК Свердлову.”

Из Екатеринбурга. Сегодня 30 апреля [в] 11 часов петроградского [времени] я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царицу Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены [в] особ-

няк, охраняемый караулом. Ваши запросы [и] разъяснения телеграфируйте мне. Председатель Уральского Облсовета Белобородов”.

Во впервые опубликованных в конце 80-х годов воспоминаниях Яковлев рассказал, как Голощекин заявил ему после передачи Николая II руководителям Уральского Совдепа: “Ваше счастье, Яковлев, что Ленин за вас! Все ваши действия он считает правильными. — Он крикнул, помолчал немного, а потом дружеским тоном продолжил. — Эх, Яковлев, революционность вы все-таки потеряли”. В тот же день последовало указание Свердлова Белобородову — “содержать Николая самым строгим порядком”, сообщить в Москву “подробности условий нового содержания”.

Царевич Алексей и три других царских дочери были привезены в Екатеринбург три недели спустя. И здесь можно обратиться к никогда не публиковавшимся воспоминаниям члена большевистской партии с 1904 года Яна Мартыновича Свикке, который возглавлял отряд латышских стрелков, сопровождавших царевича и трех его сестер из Тобольска в Екатеринбург. В публиковавшихся в начале 60-х годов воспоминаниях Я.Свикке о Ленине “Величайший из великих” в журнале “Дружба народов” или “Вечный пример” в газете “Красная звезда” — старый большевик рассказал, как встретился и беседовал с Лениным на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году, как в начале 1908 года посетил вождя в Женеве, и тот дал ему деньги для возвращения в Латвию. Рассказал он, как под фамилией “Родионов” участвовал в перевозке части царской семьи в Екатеринбург в мае 1918 года, а затем в охране “Дома особого назначения”. Он, кстати, приводит фамилии восьми латышских стрелков, которые составляли внутреннюю охрану в Игнатьевском доме. Судя по его воспоминаниям, в расстреле царской семьи участвовали также латыши, а не венгры и австрийцы, которых якобы называли “латышами”. О руководителе отряда латышей Родионове имеются сведения в написанных по следам событий книгах Николая Соколова “Убийство царской семьи” и Михаила Дитерихса “Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале”.

В неопубликованной рукописи Я.Свикке интересны свидетельства о встрече с Лениным накануне отъезда на Урал.

Именно через Свикке, по его словам, Ленин контролировал условия пребывания Николая II и его семьи в Екатеринбурге, связывался с председателем Высшей военной инспекции в Сибири, командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом Рейнгольдом Берзиным. Отметим, что если Свердлов после размещения царской семьи в Екатеринбурге поддерживал регулярные контакты с Голощекиным и главным исполнителем расстрела царской семьи Я.Юровским, то Ленин, кроме Я.Свикке и Р.Берзина, — с А.Белобородовым. Об этом свидетельствует Биохроника, приводящая факты типа: “28 июня. Ленин читает (позднее 20 час. 13 мин.) телеграмму из Екатеринбурга председателя Уральского областного Совета А.Г.Белобородова от 28 июня 1918 г. с просьбой о разговоре по прямому проводу в виду чрезвычайной важности дел” или “7 июля. Ленин дает распоряжение (ранее 17 час.) в Екатеринбург предоставить возможность председателю Уральского областного Совета А.Г.Белобородову связаться с Кремлем по прямому проводу”. Возникает резонный вопрос — кто же в Екатеринбурге лишил Белобородова возможности связаться с Кремлем?

Вопрос о царской семье после ее переезда в Екатеринбург рассматривался не только на Президиуме ВЦИК, но и на заседаниях Совнаркома и ЦК РКП(б). Так, 2 мая 1918 г. Ленин председательствовал на заседании Совнаркома, на котором обсуждалось “внеочередное заявление Свердлова о сообщении ВЦИК в печать относительно местонахождения бывшего царя Николая Романова”. Согласно протокола, Свердлов заявил: “Месяц тому назад в Президиум ВЦИК явился делегат от охраны бывшего царя и сообщил, что с охраной обстоит не все благополучно, часть охраны разбежалась, окрестные крестьяне подкуплены. По всем сообщениям, доходившим из Тобольска, не могло быть уверенности, что Н.Романов не получит возможности скрыться из Тобольска. Были получены разные сообщения, что некоторые подготовительные шаги в этом направлении отдельными группами монархистов затеваются. Исходя из всех указанных сообщений, Президиум ВЦИК советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт, что и было выполнено. В настоящее время Николай Романов с женой и одной из дочерей нахо-

дится в Екатеринбурге Пермской губернии, надзор за ним поручен областному Совдепу Урала”.

19 мая 1918 г. Ленин участвовал в заседании ЦК РКП(б), на котором обсуждался вопрос о Николае Романове. В наши дни впервые опубликован протокол этого заседания, в пятом пункте которого говорится: “Тов. Свердлов сообщает, что в Президиуме ВЦИК стоит вопрос о дальнейшей участи Николая, тот же вопрос ставят и уральцы и эсеры. Необходимо решить, что делать с Николаем. Принимается решение не предпринимать пока ничего по отношению к Николаю, озаботившись лишь принятием необходимых мер предосторожности. Переговорить об этом с уральцами поручается Свердлову”.

В ночь на 17 июля 1918 г. в подвале дома Ипатьева были расстреляны Николай II, его жена и дети, а также обслуживавшие их лица — всего одиннадцать человек. Вопрос, по которому в наши дни ведется дискуссия, — кто санкционировал кровавое убийство?

Банальная истина: обвиняя Ленина в убийстве членов Дома Романовых, необходимо исходить из презумпции невиновности, строго придерживаться документов, подвергать сомнению свидетельства, не являющиеся очевидными. Не должно быть места никаким извращениям истины, никаким измышлениям. Сегодня главный обвинительный документ в адрес Ленина — это строчки из “Дневника в изгнании” Льва Троцкого, заботившегося, кстати, как свидетельствует его дневник, о том, чтобы расправа над царской семьей “повязала” всех большевистских лидеров одной цепью, не оставила никому дороги назад:

“Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

— Да, а где царь?

— Конечно, — ответил он, — расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

— Все! — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо”.

Что можно сказать по поводу этого пассажа Льва Давидовича? Обманывал он — ибо, как свидетельствуют документы, накануне екатеринбургской трагедии из Москвы почти не выезжал и даже присутствовал на заседании Совнаркома 18 июля 1918 г., на котором было принято решение “принять к сведению” “внеочередное сообщение” Свердлова. Присутствовавший на заседании заместитель председателя ВСНХ Владимир Милютин свидетельствовал: “Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи, Свердлов просит слово для сообщения.

— Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим ровным тоном, — получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай; Александра Федоровна и сын в надежных руках. Николай хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ЦИКа постановил одобрить.

Молчание всех”.

Обратим внимание: если Президиум ВЦИК под председательством Свердлова “после сообщения о расстреле бывшего монарха, признает решение Уралоблсовета правильным”, то Совнарком эту акцию лишь “принял к сведению”. “Одобрить” Ленин не мог хотя бы по той причине, что за двое суток до того рьяно опровергал возможность расстрела Николая II без суда и следствия. Автором этой книги впервые опубликованы следующие документы из ленинского фонда.

Телеграмма из Копенгагена на английском языке: *“Ленину, члену правительства. Москва. Здесь распространился слух, что бывший царь убит. Сообщите, пожалуйста, по телеграфу факты. National Tidende”*.

И ответ — рукой Ленина (на английском языке):

“National Tidende. Копенгаген.

Слух неверен, бывший царь здоров, все слухи — только ложь капиталистической прессы. Ленин” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6601). Эта телеграмма в адрес копенгагенской газеты,

ушедшая на телеграф днем 16 июля 1918 года, не была отправлена по назначению, о чем свидетельствует пометка на ее копии: “Вернули с телеграфа. Не имеют связи”.

На мой взгляд, текст неотправленной телеграммы означает, что Ленин даже не предполагал о возможности расстрела Николая II (не говоря уже о всей семье) в ближайшую ночь. Ясно, почему больше других беспокоились о судьбе царской семьи именно в Дании, ведь мать Николая II Мария Федоровна — датская принцесса, и датский король Христиан предпринимал шаги по спасению родственников — свергнутого монарха и его семьи.

Имеется и другое доказательство стремления Ленина сохранить жизнь узникам. Это телеграфная связь, которую он поддерживал с Рейнгольдом Берзиным. В монографии Энтони Саммерса и Тома Менголда “Досье на царя” приводится телеграмма Берзина Ленину от 27 июня 1918 г. В ней Берзин информировал, что 21 июня он проинспектировал ипатьевский дом, что Николай II жив и все сообщения о его гибели — чистая провокация. Телеграмма эта была ответом на запрос Бонч-Бруевича о слухах в Москве, будто Николай II убит. Три телеграфиста с екатеринбургского почтамта подтвердили созданной по приказу Колчака комиссии Соколова переданные Лениным слова, когда тот связывался с Берзиным по прямому проводу: “Взять под свою охрану всю царскую семью и не допустить каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае своей собственной жизнью”. Как правило, современные российские историки и публицисты эти не вызывающие сомнений документы не используют.

Активный участник событий того периода уральский чекист М.Медведев (Кудрин) оставил воспоминания, которые не опубликованы и в касающейся Ленина части почти не привлекаются исследователями. Он свидетельствовал: вернувшись из Москвы в Екатеринбург Ф.Голощекину не удалось получить от Свердлова санкции на расстрел царя. Ленин, несмотря на все попытки Свердлова, приводившего доводы Голощекина об опасности эвакуации царя из Екатеринбурга, настаивал, что нужно перевести царскую семью в безопасное место. И Свердлов вынужден был сказать на прощание Голощекину относительно Николая II: “Так и скажи, Филипп, товарищам — ВЦИК официальной санкции на их расстрел не да-

ет”. После расстрела именно Белобородов, по словам Медведева, опасался, что Ленин привлечет его к ответственности за самоуправство с расстрелом Романовых без санкции из Москвы. И поэтому Юровский и его помощник Г. Никулин выехали срочно, 19 июля, через Пермь в Москву, чтобы вместе с чемоданами с ценностями, дневниками, фотографиями из дома Ипатьева привезти письма, написанные П. Войковым и И. Родзинским, которые явились бы для Москвы доказательством якобы существовавшей монархической организации, планировавшей спасти царскую семью. Как сегодня доказано, именно Войков с помощью Родзинского организовали провокацию вокруг мнимой монархической организации. Понятно, почему Войков и Родзинский выезжали также в Пермь — ведь там находилось губернское руководство, и там еще 12 июня началась — с убийства Михаила Александровича — операция по ликвидации пребывавших на Урале членов Дома Романовых, которая завершилась 18 июля кровавой трагедией в Алапаевске. В окрестностях этого городка большевики расстреляли и сбросили в глубокую шахту великую княгиню Елизавету Федоровну, великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей, князя Владимира Палея и двух живших с ними служащих. Некоторые из них были брошены в шахту еще живыми, что неопровержимо доказало проведенное назначенной Колчаком комиссией осенью 1918 года следствие. Напомним, что великая княгиня Елизавета Федоровна, памятник которой недавно был установлен в Москве, являлась вдовой убитого эсером И. Каляевым московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича Романова и одновременно родной сестрой императрицы Александры Федоровны. Она причислена к лику святых, прах ее покоится в Иерусалиме.

Убийцы из трех уральских городов (Пермь, Екатеринбург и Алапаевск) должны были связать себя круговой порукой — и я, в отличие от некоторых исследователей, не вижу ничего противоестественного, что воспоминания коменданта Дома особого назначения в Екатеринбурге Юровского начинаются так: “16.7 была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р-ых [Романовых]. 16-го в шесть часов вечера Филипп Г-н [Голощекин] предписал привести приказ в исполнение”.

Точку зрения, что решение об уничтожении царской семьи самостоятельно приняли уральские большевики, высказал, ссылаясь на разговор с Войковым, советский дипломат — невозвращенец Г.Беседовский.

В десятилетний юбилей кровавых событий с пространными воспоминаниями выступил редактор “Уральского рабочего”, член президиума исполкома Уралсовета В.Воробьев. Эти воспоминания, на мой взгляд, заслуживают доверия, явная ложь могла быть изобличена, в тот период были еще живы активные участники событий:

“...Когда стало очевидным — Екатеринбург нам не удержать — вопрос о судьбе царской семьи был поставлен ребром. Увозить бывшего царя было некуда, да и везти его было далеко небезопасно. И на одном из заседаний Облсовета мы решили Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними... На следующий день утром (после расстрела — А.Л.) я получил в президиуме Облсовета для газеты текст официального сообщения о расстреле Романовых.

— Никому пока не показывай, — сказали мне, — необходимо согласовать текст сообщения о расстреле с центром...

Я был обескуражен: кто был когда-либо газетным работником, тот поймет, как мне хотелось немедленно, не откладывая, козырнуть в своей газете такой редкой сенсационной новостью — не каждый день случаются такие события, как казнь царя... Я поминутно звонил по телефону — узнавал, не получено ли уже согласие из Москвы на опубликование... Терпению моему суждено было подвергнуться тягчайшему испытанию. Лишь на другой день, то есть 18 июля, удалось добиться к прямому проводу Свердлова. На телеграф для переговоров с ним поехали Белобородов и еще кто-то из членов президиума. Я не утерпел, поехал тоже... К аппарату сел сам комиссар телеграфа. Белобородов начал докладывать ему то, что надо было передать Москве.

...Затаив дыхание, мы все качнулись к выползавшей из аппарата ленте, на которой точками и черточками замаскировались чеканные, почти металлические звуки свердловского голоса: “Сегодня же доложу о вашем решении президиуму ВЦИКа. Нет сомнения, что оно будет одобрено... Извещение о расстреле должно будет последовать от центральной власти, до получения его от опубликования сообщения воздержитесь...”

Мы вздохнули свободней, вопрос о самоуправстве можно было считать исчерпанным...”

Драматург Э.Радзинский выявил телеграмму, направленную по адресу “Москва. Ленину”, которая была принята в Москве из Петрограда в 21 час. 22 мин., 16 июля 1918 г.: “Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите в Москву, что установленный с Филипповым (т. е. Ф. Голощекиным — А.Л.) суд по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно, сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров”. “Снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев”. По-моему, телеграмма эта свидетельствует лишь об одном — из Москвы санкции на расстрел царской семьи до момента отправления телеграммы — не давалось.

Версии о “самоуправстве” Уралсовета как будто противоречат выявленные Э.Радзинским воспоминания Алексея Акимова, служившего вначале в охране Свердлова, а затем — Ленина, о якобы отправленной им в Екатеринбург телеграмме Свердлова и Ленина с санкцией на расстрел царской семьи. Престарелый Акимов поделился этими воспоминаниями более чем полвека спустя после событий. Среди неточностей записи, например, — вместо Урала фигурирует “тульский губком”. К тому же следа подобной телеграммы нигде никогда не было не обнаружено.

Зато хорошо известны другие документы. Телеграмма, отправленная из Екатеринбурга в полдень 17 июля (более чем за сутки до прямого разговора со Свердловым, описанного В.Воробьевым): “Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум областного Совета рабоче-крестьянского правительства. В виду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16-е июля (так в телеграмме — А.Л.) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: “В виду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронован-

ный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и найдены компрометирующие документы), Президиум Областного Совета постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа. В ночь на 16 июля 1918 г. приговор приведен в исполнение. Семья Романовых, содержащаяся вместе с ним под стражей, в интересах общественной безопасности эвакуирована из города Екатеринбурга. Президиум Областного Совета. Документы о заговоре высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК. Просим ответ экстренно. Ждем у аппарата”.

Ровно через 9 часов за подписью председателя Уралсовета в Москву была отправлена вторая телеграмма: “Москва. Секретарю Совнаркома Горбунову обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов”.

Психологически все объяснимо: руководители Уралсовета постепенно подготавливали Москву — вначале сообщили об убийстве Николая II, а затем беспокоившийся больше всех Белобородов единолично, только за своей подписью, дал вторую, уже правдивую телеграмму об убийстве всей царской семьи. И, зная крутого на расправу Ильича, направил ее ленинскому секретарю Горбунову для передачи Свердлову. Таким образом, он убивал несколько зайцев — первым рассказал центру правду, направил телеграмму по адресу Совнаркома и предусмотрел, чтобы вначале она попала к Свердлову.

Я считаю, что до получения второй телеграммы Свердлов поверил первой версии об убийстве только царя. Свидетельством тому служат материалы из Государственного архива Российской Федерации, рассказывающие о профессиональном революционере Якове Шейнкмане — участнике октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, близком друге Свердлова. За пару недель до смерти он написал обращение к сыну, родившемуся в 1918 году: “Я хочу писать дневник. Специально для тебя. Всего по несколько строк каждый день. Хорошо? Начало. 17.VII-18.

Свердлов сообщил мне, что убит Н.А. Романов. Семья его переведена в Алапаевск. Я пожалел, что не уничтожили всю семью. Не кровожадность говорит во мне, а чувство предос-

торожности. Екатеринбург угрожает опасность. Надо их уничтожить, пока чехословаки не взяли их под свое покровительство...”

Неверны утверждения, будто до сегодняшнего дня не обнаружен протокол заседания уральских органов власти с решением об уничтожении царской семьи. Составитель сборника “Письма царской семьи из заточения” Е.Алферьев привел даже фотокопию на официальном бланке с печатями “весьма секретного” протокола заседания Областного исполнительного комитета Коммунистической партии Урала и Военно-революционного комитета (ВРК) от 14 июля 1918 г. В протоколе указывается, что по предложению военного комиссара (Ф.Голощекина), и председателя ВРК единогласно постановлено ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью и находящихся при нем служащих не позднее 18 июля, причем ответственность за выполнение поручить члену Чрезвычайной комиссии Юровскому. Из трех подписей под протоколом две широко известны — Белобородова и Голощекина. Третий подписавшийся Мебиус — также упоминается в некоторых исследованиях.

И еще один довод. Публикации начала и середины 20-х годов не носили характера той безбрежной конъюнктурщины, которая была свойственна работам последующих десятилетий. Так вот, в 1921 году в статье и в 1926 году в изданной в Свердловске книге “Последние дни Романовых” П.Быков, сам участник событий, член Екатеринбургского облисполкома, утверждал, что приказа о расстреле семьи Романовых из центра не было, что это была инициатива уральских большевиков:

“Исторические факты говорят, что наши Советы, и областной, и пермский, и алапаевский, действовали смело и определенно, решив уничтожить всех близких к самодержавному престолу. Кроме того, рассматривая теперь эти события уже как факты истории рабочей революции, следует признать, что Советы Урала, расстреливая бывшего царя и действуя в отношении всех остальных Романовых на свой страх и риск, естественно, пытались отнести на второй план расстрел семьи и бывших великих князей Романовых”.

И никто Быкову тогда не возразил — а ведь почти все участники событий находились еще на высоких постах.

Документы показывают, какова была обстановка летом 1918-го года на Урале. Не было в стране региона, где к Николаю II относились бы так враждебно, как там. Сепаратизм уральских властей (вплоть до намерения выпускать собственные деньги) был известен Москве.

Итак, документальные источники свидетельствуют, что инициаторами расстрела царской семьи были уральские большевики, деяниям которых симпатизировал Свердлов. А Ленин, как Понтий Пилат, в этом случае “умыл руки”, о чем я рассказал в ряде дискуссионных статей (“Ленин и расстрел царской семьи”, “Демократическая газета”, № 9, февраль 1992 г.; “Расстрел царской семьи: знал ли о нем Ленин?” “Московские новости”, № 28, 11 июля 1993 г.; “Ленин в расстреле не участвовал”, “Родина”, № 3, 1993 г.).

После поражения Германии в войне и аннулирования Брестского договора Ленину уже не нужно было оглядываться на своего бывшего союзника — и при последующих расстрелах членов Дома Романовых он неизменно занимает жесткую позицию.

Так, 29 января 1919 г. в Петропавловской крепости в ответ на “злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта” “в порядке красного террора” за несколько дней до отмены в стране смертной казни были расстреляны великие князя Николай Михайлович, Дмитрий Константинович, Павел Александрович и Георгий Михайлович. Трудно было придумать более абсурдное обвинение. Ленин принимал непосредственное участие в судьбе одного из них, Николая Михайловича, председателя Русского исторического общества. Отправленный спустя полгода после октябрьского переворота в ссылку в Вологду, тот летом 1918 года был арестован и затем перевезен в Петропавловскую крепость, где помещен в одиночную камеру. Согласно постановлению Совнаркома о “красном терроре” его, как заложника, ждал неминуемый расстрел. 23 декабря 1918 г. Российская Академия Наук направила в Совнарком ходатайство об освобождении Николая Михайловича, в котором отмечались большие заслуги бывшего великого князя перед российской наукой. На тексте ходатайства имеется приписка наркома просвещения А.Луначарского: “Глубоко сочувствую этому ходатайству. На мой взгляд Ник[олай] Мих[айлович] Романов дол-

жен бы был быть выпущен давно. Прошу рассмотреть на ближайшем заседании Совнаркома. Нар[одный] Ком[иссар] А.Луначарский. 22/XII”.

16 января 1919 г. под председательством Ленина на заседании Совнаркома специально рассматривался вопрос об освобождении Николая Михайловича. Председатель Вологодского губернского исполкома Совдепа и, по совместительству, член Вологодского губкома РКП(б) Ш. Элиава доложил следующее: “Никаких конкретных данных, изобличающих Н. Романова в контрреволюционной деятельности, у меня не имеется. За время пребывания Романова в Вологде в ссылке (с апреля по июль 1918 г.) наблюдение установило частые сношения Романова с японским посольством. Вообще он вел в Вологде замкнутый образ жизни. Из личных бесед с ним я вынес впечатление о нем, как о человеке большого ума и хитром. Вообще же считаю, что он для нас совершенно не опасен”.

Совнарком постановил отложить принятие решения об освобождении Николая Михайловича. Имеется правдоподобная версия, что именно Ленин поторопил чекистов вынести смертный приговор всем четырем бывшим великим князьям, в том числе и Николаю Михайловичу, что и было сделано 24 января.

6 февраля 1919 г. московская газета “Всегда вперед!” опубликовала статью лидера меньшевиков Ю.Мартова “Стыдно!”, в которой, в частности, говорилось:

“Какая гнусность! Какая ненужно-жестокая гнусность, какое бессовестное компрометирование русской революции новым потоком бессмысленно пролитой крови! Как будто недостаточно было уральской драмы — убийства членов семьи Николая Романова! Как будто недостаточно, что кровавая баня помогла русским контрреволюционерам в их агитации в Западной Европе против революции...”

Когда в августе они были взяты заложниками, Социалистическая академия, которую вряд ли заподозрят в антибольшевизме, протестовала против ареста Николая Михайловича как ученого (историка), чуждого политике. Теперь и этого мирного исследователя истории — одного из немногих интеллигентных Романовых — застрелили, как собаку. Стыдно! И если есть коммунисты, есть революционеры, которые сознают гнусность расстрела, но боятся заявить протест, чтобы их не запо-

дозрили в симпатиях к великим князьям, то вдвойне стыдно за эту трусость — позорный спутник всякого террора!”

И все-таки благодаря вмешательству М.Горького одному из великих князей — Гавриилу Константиновичу — удалось избежать трагической участи своих родственников. С 15 августа 1918 г. он также находился в Петропавловской крепости, где тяжело болел, за него перед Зиновьевым в Петрограде вначале ходатайствовали родственники и лечащий врач. 22 октября 1918 г. Петроградская ЧК сообщила управляющему делами Совнаркома о состоянии здоровья арестованного. И в тот же день Ленин телеграфирует в Петроград Зиновьеву: “Боюсь, что Вы пошли чересчур далеко, разрешив Романову выезд в Финляндию. Не преувеличены ли сведения о его болезни? Советую подождать, не выпускать сразу в Финляндию” (50; 198).

Дело с освобождением Гавриила Константиновича застопорилось, и месяц спустя Горький обращается к непреклонному вождю с письмом:

“Дорогой Владимир Ильич!

Сделайте маленькое и умное дело — распорядитесь, чтобы выпустили из тюрьмы бывшего великого князя Гавриила Константиновича Романова. Это — очень хороший человек, во-первых, и опасно больной, во-вторых.

Зачем фабриковать мучеников? Это вреднейший род занятий вообще, а для людей, желающих построить свободное государство — в особенности.

К тому же немножко романтизма никогда не портит политики...

Выпустите Романова и будьте здоровы. А.Пешков”.

Ленин решил в этом случае уступить, и в конце концов Гавриила Константиновича отпустили в Германию, где он написал интересные воспоминания о пребывании великих князей в Петропавловской крепости.

Ленин стремился ликвидировать всякую память о доме Романовых. Еще 12 апреля 1918 г. по его предложению Совнарком утвердил декрет “О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции”. Приведем один пример.

На месте убийства великого князя Сергея Александровича был воздвигнут бронзовый крест с изображением Богороди-

цы, припадающей к ногам распятого Христа, и с надписью: “Прости им, Господи, не ведают бо, что творят”. Автором эскиза памятника был великий русский художник Виктор Васнецов. И если Ленина нельзя винить в убийстве московского генерал-губернатора, хотя он полностью одобрил это убийство, то памятник он рушил лично, о чем свидетельствуют “Записки коменданта Кремля” П.Малькова: “Наступило 1 мая 1918 года. Утро выдалось пасмурное, хмурое... Члены ВЦИК, сотрудники ВЦИК и Совнаркома собрались к 9.30 утра в Кремле перед зданием Судебных установлений.

Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, поздравил с праздником, а потом внезапно шутливо погрозил пальцем:

— Хорошо, батенька, все хорошо, — и указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Я сокрушенно вздохнул.

— Правильно, — говорю, — Владимир Ильич, не убрал. Не успел, рабочих рук не хватило.

— Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас. Как, товарищи? — обратился Владимир Ильич к окружающим.

Со всех сторон его поддержали дружные голоса.

— Видите? А вы говорите, рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно командовал Владимир Ильич.

Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал распоряжаться Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду”.

Комендант П. Мальков также свидетельствовал: “Владимир Ильич вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, прославленным при царе генералам. Он не раз говорил, что победивший народ должен снести всю эту мерзость, напоминающую о самодержавии... По предложению Владимира Ильича в 1918 году в Москве были снесены памятники Александру II в Кремле, Александру III возле Христа Спасителя, генералу М.Д.Скобелеву”.

Были снесены памятники национальным героям и в других городах: Ивану Сусанину — в Костроме, генералу Матвею Платову — в Новочеркасске.

Мною был впервые опубликован и такой документ из ленинского “секретного” фонда, имеющий непосредственное отношение к убийству царской семьи, датированный 9 марта 1922 года — на бланке заместителя особоуполномоченного Совета Народных Комиссаров РСФСР по учету и сосредоточению ценностей и подписанный Базилевичем. Сверху рукой Ленина отмечено и трижды подчеркнуто: “секретно”. “В архив.”

Исходящий номер — 879.

“С. Секретно.

Предвоенсовета Республики тов. Троцкому.

Доношу, что 8-го марта сего года в Оружейной Палате при вскрытии ящиков с имуществом бывшей царицы — без всяких описей — оказалось по оценке представителя Гохрана Чинарева на 300 миллионов зол[отых] рублей. Приглашенные 9/III ювелиры Котлер и Франц (На полях приписка: “Ювелиры серьезные. Троцкий” — А.Л.) оценили следующим образом: если бы нашелся покупатель, который бы смог покупать эти ценности, как вещи, то оценка в 458.700.000 зол[отых] руб[лей]. Продажа же их, как товар отдельными камнями, даст 162.625.000 зол[отых] руб[лей]. Оценка производилась в течение 1 1/2 часов и без детального определения качества камней. Должен оговориться, что это не коронационные ценности — те лежат в отдельных 2-х ящиках. По описи, которая у нас имеется, они оценены в 7 с лишним миллионов рублей. Люди сведущие утверждают, что коронационные ценности по качеству камней и художественному выполнению работы стоят гораздо ниже ценностей, уже разобранных нами и являющихся “личной” собственностью бывш[ей] царской фамилии”.

Внизу приписка: *“Об общем состоянии дела сообщу дополнительно. Троцкий”*. Он же сверху: *“К сведению. т. Ленину.”* (Он же на боковых полях: *“10/III.1922. Надо еще весьма и весьма проверить. Троцкий”*. То есть, считал Троцкий, нельзя на веру принимать указанную стоимость драгоценностей.

Столь запоздавшая переписка — спустя почти четыре года после расстрела царской семьи — объяснялась огромным скоплением ценностей в Гохране, и у Ленина с Троцким до того сундука просто руки раньше не доходили. Но, во всяком случае, этот документ опровергает версию ряда зарубежных исследователей, будто сокровища царской семьи были сразу же после ее расстрела расхищены в Екатеринбурге. По свидетельству очевидцев, Яков Юровский — непосредственный исполнитель преступной акции — отправился сразу же в Москву с десятком чемоданов, в которых доставил в Гохран царские драгоценности. В ленинском “секретном” фонде хранятся неопубликованные до сего дня документы о встречах Ленина с Юровским в Москве, о выполнении “главным расстрельщиком” поручений вождя по Гохрану.

Допускаю возможность, что в архивах за семью печатями хранятся и такие документы, которые по-новому заставят подойти к роли Ленина, Свердлова, Троцкого в убийстве царской семьи.

Отмечу, что одна из моих публикаций (“Место убийцы вакантно. Новые документы о расстреле царской семьи.” “Российская газета”, 29 августа 1992 г.) была посвящена событиям, последовавшим десятилетия спустя после кровавой драмы. Впервые были опубликованы документы, свидетельствовавшие, как в 60-е годы препирались между собой престарелые участники событий в ночь на 17 июля 1918 г. Кто из них, мол, лично “имел честь” убить того или другого члена семьи Романовых. Ведь непосредственные “расстрельщики” надеялись на более высокую персональную пенсию.

Мне также удалось впервые опубликовать докладную записку за подписью председателя КГБ СССР Ю.Андропова и постановление ЦК КПСС о сносе ипатьевского дома.

“Пост. ЦК КПСС № П185/34
от 4 августа 1975 г.

Секретно

26 июля 1975

№ 2004-А

ЦК КПСС

О сносе особняка ИПАТЬЕВА
в городе Свердловске

Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи РОМАНОВЫХ, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца ИПАТЬЕВА в гор. Свердловске.

Дом ИПАТЬЕВА продолжает стоять в центре города. В нем размещается учебный пункт областного Управления культуры. Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и туристов.

В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться и дом ИПАТЬЕВА станет объектом их серьезного внимания.

В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета Госбезопасности

Андропов

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О сносе особняка ИПАТЬЕВА в гор. Свердловске

1. Одобрить предложение Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР, изложенное в записке № 2004-А от 26 июля 1975 г.

2. Поручить Свердловскому Обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка ИПАТЬЕВА в порядке плановой реконструкции города.

Секретарь ЦК”